

Император, в чьей душе азарт и мальчишество не угасали, несмотря на преклонные годы, уже на следующий день вновь призвал Лу Силая во дворец.

Лу Силай не успел подготовить никаких диковинных забав, а потому просто собрал семь-восемь дворцовых служанок. Усадив их в круг, он предложил сыграть в «Стук на семь». Правила объяснил в двух словах, и вскоре в императорской опочивальне только и слышалось мелодичное «дзинь-дзинь».

— Один!

— Два!

— Три!

— Четыре!

— Пять!

— Шесть!

— Дзинь!

— Восемь!

...

— Дзинь!

— Пятнадцать!

— Шестнадцать!

— Семнадцать... ох!

— А-ха-ха! Ваше Величество, она ошиблась! Снова ошиблась!

Государь тут же схватил кисть и размашисто начертил на лице провинившейся служанки жирный круг, после чего сам едва не повалился от хохота:

— Ха-ха-ха! Забавно, до чего же забавно!

Лица всех семерых игроков уже пестрели чернильными пятнами. Даже на физиономии старого императора живого места не осталось от мазков кисти, и лишь Лу Силай сидел чистенький, как ни в чем не бывало.

Заметив, как тот самодовольно обмахивается веером, скрывая лукавую усмешку, старик не на шутку раззадорился. В голове мгновенно созрел план, как проучить хитнеца.

— Сяо Линь, мне наскучило. Давай-ка сменим правила. Хочу «Стук на три».

— На три?

— Именно. Стучим на три, шесть и девять, — громогласно объявил император и, не давая гостю опомниться, начал: — Итак, я — один!

Лу Силай поспешно подхватил:

— Два!

— Дзинь!

— Четыре!

— Пять!

— Дзинь!

— Семь!

— Восемь!

— Дзинь!

— Десять!

— Одиннадцать...

Когда круг замкнулся на двенадцати, очередь вновь дошла до императора. Он хитро

прищурился и легонько щелкнул пальцем по стоявшей перед ним чашке.

— Дзинь!

Лу Силай, не привыкший к такому бешеному ритму и не успевший перестроиться, выпалил на чистом рефлексе:

— Тринадцать!

— ... Ой!

В таких играх осознание ошибки приходит мгновенно, но слово — не воробей. Лу Силай тут же поник, скорчив страдальческую мину.

— Ха-ха-ха-ха! — Старый император, увидев, что его уловка сработала, расхохотался так, что едва не задохнулся. Сцапав кисть, он прижал Лу Силая к полу. — Наконец-то ты попался! Ну-ка, дай-ка я посмотрю, что бы такое изобразить...

Видя, как кончик кисти зловеще кружит над его лицом, Лу Силай понял: пощады не будет.

— Ваше Величество, только помельче, умоляю, рисуйте поскромнее...

Император лишь хмыкнул, не удосужив его ответом. Кисть тяжело опустилась на кожу, выписывая причудливые вензеля. Три полосы слева, три полосы справа... Когда Лу Силай поднялся, представ в образе полосатого кота, не выдержали даже служанки. Обыкновенно бесстрастный внук Лю Хаоюань и тот невольно прыснул в кулак.

Владыка знал толк в том, чтобы вовремя остановиться. Добившись своего и всласть разрисовав любимца, он объявил, что утомился. Пока слуги омывали ему лицо, в зал торопливо вошел молодой внук. Склонившись к уху Лю Хаоюаня, он что-то зашептал. Тот кивнул, отпуская посыльного, и подошел к государю.

— Ваше Величество, Наследный принц ожидает снаружи. Просит аудиенции, дабы покаяться в грехах.

Лу Силай при этих словах собрался было откланяться, но император вдруг подался вперед и крепко схватил его за руку.

— У меня сегодня хорошее расположение духа. Отрапезничаешь со мной, а после придумаем еще какую-нибудь забаву. Ночуй сегодня здесь, не возвращайся.

— А? — Лу Силай опешил.

Его поразила не сама просьба — в конце концов, император был глубоким стариком, и Лу Силай не опасался никаких поползновений с его стороны. Поразил тон: сухой, буднично-лишенный вопросительной интонации. Это не была даже команда — скорее констатация факта.

«Власть дана ему небом. Видно, он давно привык, что мир вращается вокруг его желаний».

Понимая, что выбора нет, Лу Силай промолчал. К тому же мысль о том, что Янь Шэнь вечно смотрит на него волком и установил в поместье Премьер-министра комендантский час, подзуживала его. Почему бы и впрямь не остаться?

Евнух Лю, оставленный без внимания, повторил:

— Ваше Величество, Наследный принц просит о милости...

Император наконец соизволил повернуться, в его глазах вспыхнул гнев.

— Снова покаяния! Каждый день одно и то же: приходит и умоляет лишить его титула. Лицедейство! У меня нет времени на этот спектакль.

Лу Силай почувствовал необъяснимую легкость в душе и сочувственно закивал.

Заметив это движение, император усмехнулся и, не выпуская его руки, произнес:

— А давай-ка так: поручим это Сяо Линю.

— Что?

— Решай ты, — в глазах старика заплясали озорные огоньки. — Одно твоё слово: лишить его власти или оставить?

<<Старый лис, решил переложить такую ношу на мои плечи!>>

Лу Силай на мгновение задумался. Он был далек от придворных интриг, но не был дураком: ляпни он сейчас лишнее — и расплата не заставит себя ждать.

— Лишить... — Он намеренно растянул гласную, делая вид, что мучительно соображает. — А, впрочем... не надо. Оставьте всё как есть.

— Ну, раз не надо, значит, не надо.

Император улыбнулся — глубоко, понимающе, словно именно такого ответа и ждал. Он слегка повернул голову к Лю Хаоюаню и громко произнес:

— Оставим. Пусть убирается к себе.

Обед прошел в веселой обстановке, но вскоре императора вновь сокрушил приступ кашля. На этот раз он был куда тяжелее вчерашнего. Придворный лекарь, торопясь за отваром, даже споткнулся о порог в дверях.

Государь болел уже полгода, и лишь недавно ему стало чуть лучше — об этом Лу Силай слышал еще на рынке. Но сейчас стало ясно: старик совсем плох. Он едва мог встать с постели, и даже игры давались ему с трудом.

Приняв лекарство, император улегся под присмотром слуг. Лу Силай стоял рядом, готовясь уйти, но старик приоткрыл глаза и слабо прошептал:

— Сяо Линь... приляг рядом со мной. Расскажи мне... расскажи что-нибудь занятное.

Лу Силай замер. Глядя на изможденное лицо старца, слушая его голос, утративший былую мощь и ставший до дрожи немоцным, он ощутил, как сердце сдавила тоска.

Несмотря на все капризы этого человека, Лу Силай чувствовал — старик искренен в своей симпатии. Пожалуй, с самого рождения даже собственный отец не относился к нему с такой теплотой.

Евнух Лю хотел было напомнить о приличиях, но, взглянув на императора, который с трудом размыкал веки, промолчал. Служанки помогли Лу Силаю снять верхнее платье, и он прилег на край ложа.

Император приобнял его, едва заметно улыбнувшись, и велел слугам:

— Мне уже лучше. Все ступайте.

— Берегите себя, Владыка. Отдыхайте, — Лю Хаоюань, поколебавшись, поклонился и увел свиту.

Свечи в зале потушили, оставив лишь несколько ламп у самого ложа, окутавших пространство мягким золотистым свечением. Некоторое время в покоях царила тишина, но её прервал очередной вздох.

— Совсем я сдал, — негромко проговорил император.

Лу Силай не знал, что ответить — утешать или согласиться.

— Думал... тридцать лет на троне. Первые двадцать — всё кипело, всё рвалось наружу. Мечтал земли расширять... воевать... Кха...

— ...

— А потом устал. Знаешь, я ведь никогда не хотел быть императором. Когда мы с покойным князем Ниньяном были молоды, едва головы друг другу не проломили в спорах... Ха-ха. А ведь у него судьба оказалась краше. В своих владениях перепробовал всё, что душа желала. Слышал, он даже в землях Цзянху имя себе сделал. Мир боевых искусств... Как же там, должно быть, весело.

Голос его, только что оживившийся, вдруг сорвался и стал тусклым:

— Но он ушел в подземное царство раньше меня. Ждет теперь.

— ...

— Видно, и в Цзянху всё наскучило... раз он решил отправиться туда.

Слушая это бессвязное бормотание, Лу Силай ощущал горький ком в горле. То, с какой нежностью император вспоминал брата, заставляло сердце сжиматься.

— Оставил меня в этом месте... Сбежал, а меня бросил...

Лу Силай прикусил губу. Догадки перерастали в уверенность. С Чжао Цзинжэнем он дружил с детства, в поместье князя Ниньяна бывал часто, но старого князя почти не помнил. В памяти всплывали лишь обрывочные, нелепые картины: как старик с длинной лавкой в руках носился по берегу озера за каким-то актером, а тот, не выдержав, швырнул ему в лицо охапку соломы.

— Я здесь... ни одного живого человека не видел. Никого, кто бы понял, чего я хочу на самом деле... — Император зашелся в кашле. — Сяо Линь, ты не в счет.

От такой похвалы Лу Силай залился краской и невольно прижался к старику плотнее.

— Эх, встретить я тебя лет на двадцать раньше... Точно сделал бы своим наложником.

Гордость Лу Силая, только что расцветшая, тут же испарилась. Лицо его помрачнело, и он

поспешно ослабил объятия.

Император, будто чувствуя перемену в его настроении, тихо рассмеялся.

— Люди, когда побратимами становятся, клянутся: «Не в один день родились, но в один день умрем». Чтобы, значит, на берегах Желтого источника не расставаться. Вместе через мост Найхэ перейти, вместе отвар забвения выпить... Чтобы и в следующей жизни встретиться.

Наступила долгая тишина. Лу Силаю показалось, что старик уснул, и он уже закрыл глаза, когда голос раздался снова:

— Сяо Линь... скажи мне. Брат ведь ушел на десять лет раньше... Неужто в следующей жизни мы уже не свидимся?

Лу Силай почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Он привык к театральным драмам, считал себя человеком с каменным сердцем, но эта простая, обнаженная печаль пробила его защиту.

— Ничего... — Император, не дождавшись ответа, сам погладил его по щеке сухой, шершавой ладонью. — Со мной ведь Сяо Линь. Этого довольно.

— Ваше Величество... — прошептал Лу Силай, и слова сами сорвались с губ: — Я... я ведь тоже видел старого князя Нинъяна.

Рука старика дернулась, пальцы мертвой хваткой впились в запястье Лу Силая. Император не произнес ни слова, но его участившееся, рваное дыхание выдало бурю в душе.

Лу Силай вдруг похолодел. Как он объяснит, где мог видеть князя? Но опасения были напрасными. Император не спросил ни о чем — ни о правде, ни о лжи. В его голосе звучала лишь жадная, отчаянная мольба:

— Расскажи... Расскажи мне о нем.

— ... — Лу Силай судорожно восстанавливал в памяти ту сцену. — Он очень любил оперу. Как-то раз на берегу озера он погнался за актером, прихватив с собой длинную скамью... А актер оказался с гонором: схватил охапку соломы и ка-а-ак швырнет ему прямо в лицо!

Едва он договорил, старик рядом с ним задрожал. Его смех — тихий, переходящий в хрип, становился всё громче. Он обнял Лу Силая с неожиданной силой.

— Он... Старый пройдоха! А-ха-ха-ха!

Лу Силаю стало трудно дышать от этих объятий, но он не проронил ни звука, позволяя старику выплеснуть всё, что накопилось за долгие годы. Спустя время император затих. Силы покинули его, хватка ослабла, и он погрузился в глубокий, тяжелый сон. Лу Силай же лежал с открытыми глазами. Впервые в жизни этот могущественный старик казался ему бесконечно жалким.

<http://bllate.org/book/17426/1696113>